

В.

АНТИКРИТИКА

НА „РАЗБОРЪ НЕИЗДАННОЙ КНИГИ“.

Въ декабрь 1872 года напечаталъ я, съ дозволенія С.-Петербургскаго Комитета Духовной Цензуры, нѣсколько объявленій о предполагавшейся мною въ то время къ изданію книгъ: „Духовный Цвѣтникъ“, и разослалъ ихъ чрезъ „Христіанское Чтеніе“ и „Домашнюю Бесѣду“ подписчикамъ этихъ журналовъ. Вслѣдствіе сихъ объявленій получено мною за первую треть 1873 года много требованій на книгу, съ лестными о ней отзывами, и денегъ болѣе 200 рублей серебромъ на напечатаніе книги, а въ заключеніе два ругательныхъ отзыва: одинъ краткій, издателя „Домашней Бесѣды“ г. Аскоченскаго, другой подробный прот. Н. Д-ко. Отзывы эти я получилъ 19 декабря означеннаго 1873 года отъ одного изъ о.о. благочинныхъ нашей епархіи, который прибрѣлъ ихъ, какъ рѣдкость, для него интересную, въ разныхъ мѣстахъ своего и чужаго благочинія, отдаленныхъ отъ моего прихода на большое разстояніе, и возилъ еще лѣтомъ по своему благочинію, т. е. когда я печаталъ книгу въ С.-Петербургѣ. Такъ какъ отзывъ Аскоченскаго оказался совершенно голословнымъ, какъ прежде составленные и напечатанные имъ два экспромпта, мною вполне опровергнутые, то я не нахожу приличнымъ отвѣчать на послѣдній, полагая достаточнымъ помѣстить здѣсь напечатанное мною въ декабрь 1871 года письмо къ нему — г. Аскоченскому, которое онъ, обличенный въ своей неправдѣ, отказался печатать въ „Домашней Бесѣдѣ“, не объяснивъ на то правъ и причинъ, а на рецензію прот. Н. Д-ко считаю нужнымъ сдѣлать слѣдующія замѣтки:

„Предполагаемая къ изданію книга“, говоритъ прот. Н. Д-ко въ приложеніи къ „Воскресному Чтенію“, февр. 1873 г., № 2-й, „представляетъ собою довольно важное дѣло, о которомъ стоитъ поговорить и посоветоваться публично прежде изданія ея въ свѣтъ, и мы думаемъ, что составитель имѣлъ въ виду вызвать заблаговременные совѣты“ и проч. Мысль, достойная похвалы, если бы она не заключала въ себѣ противорѣчія самой себѣ. *Поговорить и посоветоваться* (хотя и неизвѣстно съ кѣмъ)—это такіе термины, которые исключаютъ изъ своего значенія всякое душевное волненіе. Вмѣстѣ взятые, они означаютъ рѣчь тихую, скромную, вѣжливую, очищенную отъ всякихъ оскорбительныхъ не только выраженій, но и намековъ.

Такъ ли поступилъ рецензентъ? Скажемъ его словами: „Бъ сожалѣнiю, далеко не такъ. Это мы увидимъ сейчасъ изъ разбора его рецензiи и хода самаго дѣла“. Гдѣ общество, тамъ и составитель. Такъ какъ послѣднiй, при условiи рѣчи о немъ и его творенiи, и при обращенiи совѣтовъ (положимъ, къ обществу), составляетъ главное лицо, для котораго и о которомъ составляется совѣтъ (съ составителемъ, или обществомъ?), то благонамѣренный рецензентъ, по составленiи рецензiи, обязанъ свою рѣчь и совѣтъ обратить къ составителю, или прежде всѣхъ, или, по крайней мѣрѣ, до выхода въ свѣтъ его творенiя. Если рецензентъ руководился желанiемъ блага обществу, то что для него стоило выслать номеръ своей статьи въ редакцiю той газеты, на которую указывалъ редакторъ въ своемъ объявленiи? Рецензентъ долженъ знать, что и самые издатели журналовъ, а тѣмъ болѣе провинциальныхъ газетъ, получаютъ не всѣ газеты и журналы, и самыя лица, получающiя послѣднiе, читаютъ не всѣ статьи, заключающiяся въ нихъ. Въ этихъ видахъ не обязанъ ли онъ прямо указать редактору новой книги на статью, въ которой дѣлается разборъ его книги? Если же онъ — рецензентъ, знакомый съ званiемъ и числомъ подписчиковъ журнала, гдѣ его статья, совершенно увѣренъ въ неполученiи этого журнала редакторомъ издаваемой книги, а при всемъ томъ составляетъ на него сарказмъ, украшая послѣднiй (деликатнымъ) именемъ совѣта, то не значитъ ли это извить не сказавшись, т. е. молча? По отношенiю къ моей книгѣ такъ именно и поступилъ г. рецензентъ, потому что отзывъ его я получилъ случайно, чрезъ десять мѣсяцевъ.

„Духовный Цвѣтникъ“ не есть собственное сочиненiе предпринявшаго его изданiе лица, скрывшаго свое имя подъ буквою Т., а представляетъ собою сборникъ статей, давно многими прочитанныхъ, и даже очень переизвѣстныхъ“. Если въ объявленiи сказано, что въ книгѣ собственно моихъ статей немного — отъ $\frac{1}{40}$ до $\frac{1}{30}$, то на какомъ основанiи рецензентъ совершенно исключаетъ изъ ней хотя и малую, но мнѣ принадлежащую часть? Ибо молчанiе о ней въ перiодъ составляетъ ея исключенiе изъ него. Впрочемъ, при дальнѣйшемъ чтенiи разбора, оказывается, что рецензентъ слишкомъ опрометчиво противорѣчитъ себѣ, потому что предъ концомъ 19 страницы листка, гдѣ его разборъ, самъ же сознается, что „лучшiя браткiя духовныя разсужденiя найдены редакторомъ въ его собственныхъ сочиненiяхъ“, хотя далѣе, на стр. 20 опять противорѣчитъ себѣ вопросомъ: зачѣмъ явилась въ книгѣ принадлежащая ему, т. е. редактору, статья „Объ источникахъ улучшенiя быта духовенства“, такъ что, по соображенiи двухъ послѣднихъ мѣстъ рецензiи, выходитъ смыслъ такой: зачѣмъ редакторъ лучшее браткое духовное разсужденiе своего сочиненiя объ источникахъ улучшенiя быта духовенства помѣстилъ въ свой „Духовный Цвѣтникъ“, т. е. духовные предметы не надо помѣщать въ духовной книгѣ. Но, мил. государь! эта крайне запутанная, и притомъ противорѣчивая, рецензiя, неволью наводитъ на мысль, что вы относитесь къ читателямъ или съ презрѣнiемъ, или съ желанiемъ устранить ихъ отъ такихъ предметовъ, которые для всѣхъ и каждого, а съ тѣмъ вмѣстѣ и для васъ, необходимы.

„Давно многими прочитанныхъ и даже очень переизвѣстныхъ“. Жалю о необходимости обличать васъ въ неправдѣ, свѣтское ли вы лицо, или духовное; но... по долгу истины, считаю необходимымъ же сказать, что вы сказали неправду. Вы первый не читали превосходной и достойнѣйшей подражанія статьи „О современныхъ модахъ въ одеждѣ“, потому что въ концѣ 20 стр. говорите, что „Ключарева, котораго знаетъ вся Россія, г. Т., повидимому, знать не хочетъ“, а эта статья принадлежитъ ему — о. протоіерею Ключареву, котораго точно знаетъ Россія, да не знаете вы, прот. Н. Д-ко. Когда о. протоіерей Ключаревъ, совмѣстно съ о. Василиемъ Нечаевымъ, издавалъ „Душеполезное Чтеніе“, тогда изъ ихъ собственныхъ сочиненій, которыхъ тамъ достаточно, основательностью, и вмѣстѣ разительностью изображенія предметовъ, отличались, и даже превосходили всѣ прочія статьи именно эта — о современныхъ модахъ, также статья „О вечеринкахъ и балахъ“. А вы, рецензентъ, и этого, достойнаго примѣчанія, разсужденія о модахъ, примѣтить не съумѣли, вѣрнѣе же и не могли, затѣмъ, что не читали, — и при всемъ томъ ложно свидѣствуете не только о себѣ, но и о другихъ, „давно многими прочитанныхъ“. Но вы не читали и множества другихъ статей, помѣщенныхъ въ моей книгѣ. Это видно изъ того, что вы съ какимъ-то презрѣніемъ говорите объ источникахъ, изъ коихъ я приводилъ статьи въ свою книгу. „Тутъ есть все, чего хотите“, гласитъ и вмѣстѣ лжетъ вашъ отзывъ: „редакторъ срывалъ цвѣты для своего Цвѣтника изъ „Крестнаго Календаря“, изъ „Мірскаго Слова“, изъ газеты „Москва“ и проч. 1) это не все, чего желаетъ разнообразный вкусъ читателей; 2) гдѣ вы нашли газету „Москва“, о которой у меня и помину нѣтъ, и какъ вы рѣшились, слѣдственно, обдуманно лгать и вносить небылицу на такое произведеніе, которое, какъ видно, вамъ не подь силу, беспокоитъ ваше сознаніе, а потому вамъ несносно? Если помѣщенные въ моей книгѣ статьи давно многими прочитаны, а ужъ, конечно, прежде всѣхъ вами, ибо никто того не говоритъ, даже изъ получившихъ высокое образованіе, кромѣ васъ, неизвѣстнаго по степени образованія, то какъ могло это статься, когда „Крестный Календарь“, съ статьею о св. Димитріѣ Ростовскомъ, появился только въ 1872 году, когда напечатано мое объявленіе? Какъ могло это быть, когда вы не знаете дивной статьи, помѣщенной въ журналахъ: „Душеполезномъ Чтеніи“, „Мірскомъ Словѣ“ и проч., о чудно-разительномъ событіи съ живымъ мертвецомъ? Не касаясь же и словомъ неподражаемой притчи о дворѣ и о змѣѣ, напечатанной въ „Христіанскомъ и Душеполезномъ Чтеніяхъ“, вы хотите отдѣлаться отъ ней околичностями, т. е. скрыть ваше невѣдѣніе о ней, глумясь надъ какими-то сказками другихъ сборниковъ о вавилонскомъ змѣѣ и подоб., хотя съ тѣмъ вмѣстѣ не упоминаете не только о качествахъ, но и о количествѣ этихъ сказокъ. А между тѣмъ, повторяю, остаетесь въ незнаніи, что притча о дворѣ и о змѣѣ много вѣковъ занимала нашихъ предковъ настолько, что ее постоянно приписывали Іоанну Златоусту, хотя, по словамъ „Душеполезнаго Чтенія“, она принадлежитъ патриарху Христофору. Я не говорю уже о рѣшеніи вопросовъ, или возраженій: можно ли почи-

тать разбойника? Почему совершается поминъ преставльшихся въ третій, девятый день и проч.? Когда и какъ совершилось дѣйствіе попаденія водою жертвы праведнаго? Что нужно для правильнаго суда о духовенствѣ? Какія условия успѣшнаго проповѣдничества? Почему не всѣ равно богаты? Почему при сотвореніи не дано намъ безгрѣшности? Для чего заповѣдь? Древо познанія? Испуситель? Богъ зналъ несчастную судьбу грѣшниковъ: зачѣмъ же Онъ создалъ ихъ? Зачѣмъ посты? Для чего ходить въ церковь? Случай всѣмъ управляетъ. Какъ неимоверно вредны воскресные базары не только въ нравственномъ, но и экономическомъ и даже государственномъ отношеніяхъ. А море и неисчерпаемое богатство его жизни? А миллионы микроскопическихъ животныхъ въ каплѣ морской воды? А мысли—неопровержимыя—Наполеона I о божествѣ Іисуса Христа, графа Сперанскаго о древнихъ мудрецахъ? Философія Сократа, его вѣра въ Бога единаго и въ безсмертіе души человѣческой, и проч. и проч. Всѣ эти предметы, *даже очень перѣ*, по вашему, извѣстные, для васъ не что иное, какъ темная, незримая вода во облацѣхъ воздушныхъ. Могли ли вы читать образцовые критическіе взгляды на духовные предметы и сочиненія, или брошюру о убіеніи св. царевича Димитрія и др., когда подобныя статьи называете замѣстванными изъ сочиненій какого-то, а не такого-то, слѣдственно неизвѣстнаго для васъ, автора, а между тѣмъ утверждаете — *давно многими прочитанныхъ*? „Рядомъ, напр., съ св. Димитріемъ Ростовскимъ стоитъ какой-то Глушковъ“, говорите вы, и вмѣстѣ изволите ггать, милостивый государь! Если бы въ моемъ объявленіи г. Глушковъ былъ названъ сочинителемъ, тогда бы ваша рѣчь была правильна, потому что онъ точно стоитъ подъ рядовою буквою. Но смотрите: въ объявленіи подъ буквою Е сказано: „Изъ четь-минеи св. Димитрія Ростовскаго“, а подъ буквою Ж: „Изъ брошюры о св. царевичѣ Димитріѣ“. Изд. Глушкова. Четь-минею, какъ вы, вѣроятно, знаете, составилъ св. Димитрій Ростовскій, а брошюру о царевичѣ Димитріѣ издалъ Глушковъ. Но у меня отнюдь не сказано, чтобы послѣдній сочинилъ ее. Издатель и сочинитель — разница, иногда большая, а иногда безмѣрная, между тѣмъ какъ въ началѣ того же вашего монолога сказано: „паразителемъ подборъ именъ образцовыхъ писателей“. Слѣдственно г. Глушковъ, только издавшій брошюру, а не написавшій ее, произвольно произведенъ не мною, а вами, въ писатели, а не издатели. Считаю однакожъ нужнымъ замѣтить, что статья о св. царевичѣ Димитріѣ написана прекрасно, хотя и издана Глушковымъ.

„Объявленіе начинается громаднѣйшимъ періодомъ“ и проч. Вѣроятно, вы не читали длиннѣйшихъ моего, но при всемъ томъ даже не громадныхъ періодовъ въ лучшихъ твореніяхъ. И такъ, совѣтую вамъ прочитать хотя одинъ подобный въ образцовомъ словѣ высокопреосвященнаго Филарета, м. м., въ день св. мученицы Татіаны, въ университетскомъ храмѣ говоренномъ. „Съ конструпціею рѣчи совершенно нерусскою“. Сказавъ этотъ сарказмъ, вы повредили себѣ, потому что прибавили: „впрочемъ это дѣло неважное“. А въ срединѣ статьи даже съ чувствомъ облобызали меня словами: „не можемъ не сознаться, что основная мысль редактора есть вполне счастливая

и истинно прекрасная*. Не важно ли, однакожь, для истины, когда вы ложью, клеветою, а потомъ лобзаніемъ передаете ее на поправаніе, т. е. лишаете многихъ несомнѣнной пользы отъ тѣхъ истинъ, которыя изображены въ книгѣ, какъ это значитъ въ присланныхъ, до полученія вашей рецензій, ко мнѣ отзывахъ? Ибо вы имѣли вліяніе даже на того о. благочиннаго, который доставилъ мнѣ вашъ отзывъ, и который, подобно другимъ, торжественно возилъ его по благочинію и имѣлъ нѣкоторое вліяніе на своихъ подвѣдомыхъ, а чрезъ то и на моихъ прихожанъ. Si Lira non lygasset, Luterus non saltasset *). Не вашъ ли отзывъ побудилъ и соблазнилъ самого Виктора Ипатьевича ругаться на меня, чрезъ два мѣсяца послѣ васъ, и даже послѣ того, какъ напечатавъ означенное письмо къ нему, съ краткой замѣткой, я рѣшился, вслѣдствіе добродушнѣйшаго пріема, мнѣ лично имъ оказаннаго, не оскорблять его не только личнымъ поднесеніемъ въ презентъ этого письма, но и разсылкою послѣдняго подписчикамъ другихъ журналовъ. Если, по вашему собственному сознанію, основная мысль моя вполнѣ счастлива и истинно прекрасна, а книга представляетъ собою довольно важное дѣло; то зачѣмъ сущность, или суть дѣла, поставлять почти единственно въ формѣ объявленія, а не въ качествѣ предметовъ, составляющихъ книгу, и притомъ избранныхъ изъ образцовыхъ твореній?

„Въ „Цвѣтникѣ“ встрѣчаются не одни цвѣты, говорите вы, но растутъ много и простѣйшихъ бесполезныхъ злаковъ; есть даже тернія, волчцы и плевелы“. Задавшись этой теоремой, рецензентъ немедленно, по образцу ученыхъ теоретиковъ, доказываетъ ее, правильнѣе же самъ себя обличаетъ во лжи, такъ: *судя по оглавленію* (высоко!), „Духовный Цвѣтникъ“ *распадается* (низко!) на слѣдующіе отдѣлы: жизнеописанія, повѣсти, описанія, мысли и мнѣнія, замѣтки и изрѣченія, критическій взглядъ, размышленія, краткія разсужденія, рѣшенія вопросовъ, отвѣты на возраженія и, наконецъ, слова и поученія*. Опять высоко! То есть, высокое и низкое въ доказательствахъ рецензента перемѣшано пополамъ. Но теперь высокое составляетъ у него бесполезные злаки и плевелы, — и оно же вмѣстѣ составляетъ и цвѣты, потому что рецензентъ говоритъ: въ „Цвѣтникѣ“ встрѣчаются не одни цвѣты; значитъ, есть и цвѣты. Спрашивается: гдѣ же цвѣты, гдѣ бесполезные злаки и плевелы? Подъ именемъ цвѣтовъ должно бы разумѣть не одинъ отдѣлъ, такъ какъ собственно отдѣлы рецензентъ называетъ цвѣтами и плевелами, а по крайней мѣрѣ два или три, потому что слово «цвѣты» употреблено во множественномъ, а не единственномъ числѣ. Между тѣмъ рецензентъ не отдѣлилъ цвѣтовъ отъ терній, а смѣшалъ ихъ съ послѣдними такъ, что цвѣты-то остались ужъ вовсе непримѣтны, а обратились въ бесполезные злаки и плевелы. Иначе: рецензентъ укоряетъ меня за то, и даже тѣмъ самымъ, за что другихъ иные хвалятъ; онъ же хвала порицаетъ, если же хвалить, то порицая. Но, мил. гос.! какъ вы не вспомнили и не примѣтили, что эти ваши доказательства отнюдь не уступаютъ

*) Еслибъ Лира не играла, то бы Лютеръ не плясалъ.

тѣмъ доказательствамъ глубоко изученнаго истолкователя вещей, по которымъ желтый и бѣлый звѣрь имѣетъ пять ногъ, а не четыре, а потому ваша приведенная мысль ничего въ себѣ не заключаетъ, кромѣ явнаго (и не преступнаго ли?) презрѣнія къ читающему обществу?

«Подробнѣйшее разсмотрѣніе содержанія каждаго отдѣла приводитъ къ открытіямъ еще болѣе печальнымъ», взываете вы. Въ чемъ же ваша печаль? Въ томъ а), что «жизнеописанія, по вашему, будутъ вовсе не жизнеописанія, а только отрывочки изъ жизнеописаній». Сказавъ значительную, даже значительнѣйшую долю правды объ этомъ отдѣлѣ,—ибо я дѣйствительно заботился о краткости, не желая утомлять читателей изображеніемъ напр. времени рожденія подвижниковъ и проч.,—вамъ оставалось только не покидать мѣста для лжи, а вы, къ вашему несчастію, его оставили. Я говорю: къ несчастію, ибо все ложь, да ложь, дѣйствительно несчастіе. Смотрите въ объявленіи букву З. Тамъ сказано: «Св. Филиппъ, митрополитъ московскій», а не извлеченія изъ его житія. Подъ буквою А. ст. 6. Седмь Ефесскихъ отроковъ, Б. 17. Испытаніе свыше. Наконецъ въ объявленіи не означены, а въ книгѣ напечатаны, и притомъ довольно полно, житіе и страданіе св. великомученицы Екатерины, и проч. и проч. Печаль ваша заключается въ томъ б), что «можно, по вашему, догадываться, что и повѣсти будутъ не повѣсти, а повѣствовательные отрывки». Одно вамъ помѣшало сказать должную, требуемую отъ каждаго автора, истину, и притомъ это одно довольно нетрудное дѣло, именно: придуманная вами возможность *догадываться*, а такая возможность придумывается не трудно, даже легко. Вотъ если бы вы не изобрѣтали этой возможности, то конечно не стали бы догадываться писать неприличное и даже непристойное никакому рецензенту. А такъ какъ вы позаботились изобрѣсти ее, то изъ вашего изобрѣтенія образовалась чистѣйшая ложь, безъ примѣси истины. Взгляните на отдѣлъ повѣстей и устыдитесь вашего, истинно печальнаго, и даже плачевнаго для васъ же самихъ, изобрѣтенія. А вы печалитесь, сами не зная, о чемъ... Тоже считаю нужнымъ сказать объ отдѣлѣ словъ и поученій. Не угодно ли вамъ взглянуть на вторую половину четвертаго отъ начала и весь послѣдній въ концѣ объявленія монологъ, вникните въ смыслъ ихъ и спросите себя: гдѣ было ваше вниманіе, а всего болѣе то прекрасное свойство, которое должно быть всегда для васъ священнымъ, то есть, любовь къ истинѣ?

«По всему оглавленію, говорите вы, сіяютъ слѣдующія знаменитѣйшія имена свѣтилъ духовной науки и литературы: Кайдановъ, Крыловъ и многіе подобные». Слово: «знаменитѣйшій», у меня не употреблено ни разу. На первой страницѣ объявленія, въ началѣ третьяго отъ конца монолога, сказано: въ книгѣ «собственно моихъ статей столько-то, всѣ прочія принадлежатъ знаменитымъ литераторамъ и церковнымъ витіямъ». Знаменитый и знаменитѣйшій—это разница. Знаменитый и церковный—тоже разница. Знаменитымъ можетъ быть церковный и не церковный литераторъ. Между тѣмъ у васъ сказано: знаменитѣйшія имена свѣтилъ духовной науки, тогда какъ знаменитыхъ литераторовъ я въ объявленіи не называлъ свѣтилами духовной

науки, а отдѣлилъ отъ первыхъ послѣднихъ, назвавъ послѣднихъ церковными витіями. Но пусть между знаменитѣйшими, по вашему, у меня будутъ не только знаменитые, но и незнаменитые писатели, потому что правила безъ исключеній не бывають. Знаменитость писателя даетъ ли право быть знаменитымъ каждому его творенію? Равно—малоизвѣстность писателя даетъ ли право оставаться малоизвѣстнымъ, или незнаменитымъ каждому его произведенію? Былъ нѣкогда на свѣтѣ, вѣроятно, и вамъ извѣстный, Оригенъ. Многіе ли изъ его современниковъ, кромѣ величайшихъ свѣтилъ Церкви, достигли такой славы, на какой онъ стоялъ? Между тѣмъ, его же современники, а впоследствии потомки, говорили о немъ: *ubi bene, peto melius, ubi male, peto pejus, scilicet dixit, aut scripsit Origene* *); такъ что Церковь вредныя его сочиненія опредѣлила сжечь, а полезныя предоставила для руководства своимъ послѣдователямъ. Приведенный примѣръ со множествомъ подобныхъ, не ведетъ ли всѣхъ и каждаго, не исключая и васъ, къ тому, что и знаменитые могутъ упадать, какъ сказано о Гомерѣ, и малоизвѣстные для свѣта могутъ возвышаться и писать превосходно? А потому въ духовные и другіе христоматическіе сборники не каждый ли редакторъ долженъ вводить статьи только по ихъ собственному достоинству, а не по мѣрѣ славы того или другаго писателя? Объ этомъ именно, т. е. о превосходствѣ статей, я и заботился, а не о томъ, въ большей, или меньшей мѣрѣ знаменитъ писатель, какъ вы безусловно твердите въ затѣянной, но понятной причинѣ, вами рецензій, хотя, какъ сами видите, я непремѣнно предпочиталъ еще при чтеніи болѣе прославленныхъ менѣе извѣстнымъ писателямъ.

„Между Златоустомъ, Григоріемъ Богословомъ и подобными, по-истинѣ великими свѣтилами духовной письменности, поставленъ священникъ Захарій Образцовъ“. Эти слова относятся къ болѣе обширному, сравнительно съ другими, отдѣлу церковныхъ словъ и поученій, котораго я не успѣлъ напечатать. Но позвольте разоблачить и здѣсь вашу неправду, т. е. чистѣйшую, къ сожалѣнію, ложь. Если въ другихъ отдѣлахъ я не вполне соблюлъ систему размѣщенія статей, то въ этомъ безусловно ее выполнилъ, такъ что порядокъ размѣщенія писателей этого отдѣла въ объявленіи у меня таковъ: Василій Великій, Іоаннъ Златоустъ, Епифаній Кипрскій, Димитрій Ростовскій, Филаретъ Московскій, Григорій С.-Петербургскій, Иннокентій Херсонскій, Августинъ Московскій, Іоаннъ Смоленскій, протоіерей Путятинъ, а послѣ всѣхъ уже священникъ Образцовъ съ своимъ кротко-обличительнымъ, но прекраснымъ словомъ въ день Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы. Изъ Григорія же Богослова у меня нѣтъ ни одного церковнаго слова (?). А такъ какъ въ третьемъ отъ начала объявленія монологѣ у меня сказано: „въ концѣ каждаго отдѣла прилагаются, или вставляются въ срединѣ, стихотворенія“, то и по окончаніи означеннаго отдѣла я рѣшился помѣстить краткія, но неподражаемыя стихотворенія, переведенныя съ древнихъ на русскій языкъ высокопреосвященнымъ Филаретомъ и проч., которыя однакожь стихотворенія вовсе не относятся къ

*) Гдѣ хорошо, тамъ никто лучше, гдѣ худо, тамъ никто хуже не сказалъ Оригена.

самому отдѣлу, хотя и принадлежатъ великимъ свѣтильникамъ Новозавѣтной и Ветхозавѣтной Церкви, т. е. Григорію Богослову и Св. пророку Іереміи. Слѣдственно по отношенію не только къ церковнымъ словамъ, но и церковнымъ проповѣдникамъ, священникъ Образцовъ поставленъ у меня послѣднимъ, какъ означено выше, а не въ срединѣ. Вы это видѣли, м. г! и при всемъ томъ глаголете не сущая, яко сущая.

„Къ чему тутъ поставлены, говорите вы: „Голосъ по поводу мнѣнія о выборномъ началѣ въ духовенствѣ, статьи о благочинническихъ правленіяхъ, объ источникахъ улучшенія быта духовенства? Также рѣчь католическаго епископа Штрессмайера о непогрѣшимости папы? А между тѣмъ г. Т. пишется въ свой „Духовный Цвѣтникъ“ такого рода ненужныя вещи“. Касательно этихъ предметовъ я желалъ бы знать: журналы: „Православный Собесѣдникъ“, „Православное Обозрѣніе“, „Страникъ“, „Чтенія въ Московскомъ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія“ и проч. какими вы считаете? Не сомнѣваясь въ вашемъ признаніи ихъ духовными, я недоумѣваю, почему вы умалчиваете о томъ, что эти журналы заключаютъ въ себѣ множество подобныхъ предметовъ, а мнѣ одному вмѣняете включеніе ихъ въ тяжкую вину? Чтобы впрочемъ удостовѣрить васъ, насколько необходимы эти предметы не только для сельскаго, но и градекаго духовенства, а вмѣстѣ и для всѣхъ прихожанъ, составляющихъ съ тѣмъ и другимъ Церковь и Государство, на первый разъ посылаю васъ къ самимъ статьямъ этого рода, помѣщеннымъ въ моей книгѣ, которую при семъ считаю долгомъ представить въ редакцію „Воскреснаго Чтенія“, и представлять. Если этого покажется вамъ недостаточно, я разъясню ихъ впоследствии подробнѣй. Отдѣльно о рѣчи Штрессмайера считаю нужнымъ замѣтить, что органомъ самихъ католиковъ я желалъ опровергнуть ихъ нелѣпый догматъ о непогрѣшимости папы. Ваше жалкое и даже наглѣе выраженіе: „пишется“, не стоитъ опроверженія, потому что оно обличаетъ дерзость. А слово sic, заставляеть только возразить: sic absurde considerat, sic dementer implicat, imo non necessaria, ideoque absurda, in criticam vocabula, dominus recensor!

Что касается св. Тихона, епископа Воронежскаго, котораго вы называете только св. Тихономъ Задонскимъ, Высокопреосвященныхъ: Иннокентія, Макарія и преосвященнаго Іоанна, то а) по причинамъ, изображеннымъ въ предисловіи къ книгѣ, заботясь о краткости и даже скорости объявленія, не соблюлъ я полноты въ указаніи не только авторовъ, но и ихъ произведеній. Такъ, у меня не указаны авторы отвѣтовъ на возраженія, и самыя возраженія: къ чему внѣшнее богослуженіе? Зачѣмъ посты? Нужна ли глухая исповѣдь, необходимость которой признаютъ и люди образованные изъ свѣтскихъ, а можетъ быть и духовные? Все это можете видѣть въ представляемой книгѣ: „Духовный Цвѣтникъ“. Не указаны: Слово на исходѣ души, св. Кирилла, Архіепископа Александрійскаго, Слово въ Великій Пятокъ, Высокопреосвященнаго Филарета, митрополита кіевскаго, Св. Ефремъ Сиринъ и проч., б) такъ какъ вы упрекаете меня даже въ несоблюденіи хронологіи, которая вовсе нейдетъ къ дѣлу моей книги, то позвольте вамъ предложить обратный

вопросъ: на какомъ основаніи вы поставили Высокопреосвященнаго Магарія, Архіепископа Виленскаго, и даже Преосвященнаго Іоанна, епископа Смоленскаго, прежде Высокопреосвященнаго Иннокентія, Архіепископа Херсонскаго? И притомъ только перваго величаете съ титуломъ, какъ и должно, а послѣднихъ, и даже Святителя Тихона, лишаете всякаго титула, кромѣ двухъ буквъ для Праведника: *Св.*, неизвѣстно, какого изъ двухъ, или даже многихъ терминовъ, значеніе имѣющихъ? Не потому ли, что только отъ живыхъ вы чаете движенія воды, а скончавшіеся хотя бы въ вѣрѣ и совершенномъ Богоугожденіи, для васъ менѣе, или и вовсе ненужны?

„За двадцать съ небольшимъ печатныхъ листовъ «Сборника» чужихъ неоплаченныхъ произведеній», и проч. Какая мелочность, и даже пошлость, хотя съ тѣмъ вмѣстѣ идовитыя не для меня одного, ибо въ лицѣ моемъ вы упрекаете всѣхъ, когда-либо бывшихъ и нынѣ существующихъ редакторовъ и издателей журналовъ, газетъ, альманаховъ и другихъ подобнаго рода изданій. Всѣ эти уважаемые труженики, излагая собственныя мнѣнія, иногда достойныя общаго вниманія, въ вашихъ глазахъ виновны за помѣщеніе въ своихъ изданіяхъ большей части чужихъ неоплаченныхъ произведеній. Но вы забыли, господишь, или не знали, что есть законъ, по которому каждый редакторъ вправѣ помѣщать въ свой сборникъ, и даже въ собственныя сочиненія, въ видѣ ссылокъ (цитатъ) извѣстную массу статей другихъ авторовъ, съ непременнымъ обозначеніемъ, кому принадлежать послѣднія. А труды чтенія, замѣтокъ, извлеченій, или переработки статей, съ означеніемъ ихъ авторовъ, впродолженіи не только одного, но иногда нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, развѣ не служатъ залогомъ искупленія означеннаго рода статей ихъ издателемъ? Я сказалъ: «переработки». Сличите статьи о лицемѣрїи, мысли изъ Экклезіаста — Карамзина, графа Сперанскаго о древнихъ мудрецахъ и множество другихъ съ ихъ оригиналами, и вы увидите, сколько нужно было времени, и, *если допустите*, соображенія, чтобы помѣстить только именно образцовое и превосходнѣйшее. Притомъ вправѣ ли вы упрекать не меня одного, но, какъ сказалъ я, всѣхъ редакторовъ, при существованіи изъясненнаго закона?

Что касается до названія составленной мною книги, что въ этомъ главная суть, о которой вы умолчали. Итакъ, считаю нужнымъ сказать, что это только и есть ошибка, хотя зависѣвшая отъ весьма уважительныхъ причинъ, о которыхъ излишнимъ считаю распространяться. Въ названіи пропущены четыре слова. Но, дополняю, и этотъ пропускъ немедленно, по напечатаніи книги, мною исправленъ въ газетахъ и журналахъ, такъ что названіе ея читается такъ: «Духовный Цвѣтникъ, для чтенія въ домахъ и училищахъ, со включеніемъ многихъ статей, для произношенія съ церковныхъ кафедръ». 2) Ошибка, или обмолвка, несвойственны ли и вамъ, и вмѣстѣ такимъ литераторамъ, каковъ даже Викторъ Ипатьевичъ, который въ 50 выпускѣ «Домашней Бесѣды» 1874 г. съ похвальною откровенностію говоритъ, что въ 49 выпускѣ вкралась у него пренелѣзная обмолвка, хотя съ тѣмъ вмѣстѣ заботится не видѣть въ этой нелѣпности собственнаго и корректора невѣжества, убѣждая къ тому, и даже покорнѣйше прося о томъ и другихъ?

Наконецъ, что скажете о сонмѣ тѣхъ высокопоставленныхъ и компетентныхъ лицъ, которые въ одно съ вами время получили объявленіе, и не только изъявили требованія на книгу до ея изданія, но многіе изъ нихъ удостоили ее самаго лестнаго отзыва, послѣ того, какъ ознакомились съ ея содержаніемъ?

Но, отвѣчая вамъ гласностію, я совершенно далекъ отъ процессовъ, не смотря на совѣты многихъ!..

Довольно для *васъ* и для *мудрыхъ*!..

Свящ. Феод. Понятовскій.

Желающіе имѣть книгу: „Духовный Цвѣтникъ“, съ требованіями обращаются въ С.-Петербургѣ: въ книжный магазинъ Пот. Поч. Гражд. Якова Алексѣевича Исакова, Гост. Дв., № 24 и въ другіе книж. маг. Гост. и противъ Гост. Дв., близъ Невскаго, на Большой Садовой; также на набережной Фонтанки противъ Лѣтняго Сада въ книж. маг. г. Н. Фена и комп; въ Воронежѣ — въ книжную лавку Митрофанова монастыря. Цѣна книги 1 руб. сер. безъ пересылки, съ пересылкою 1 руб. 25 коп.

Печатать дозволяется. Спб. 20 декабря 1876 года.

Цезарь Архимандритъ Арсеній.

В.

ОТПОВѢДЬ

на отзывы редакціи „Домашней Бесѣды“.

ПИСЬМО КЪ ЕЯ РЕДАКТОРУ.

Ваше Высокоблагородіе

Сердобольный Викторъ Ипатьевичъ!

Въ одномъ и томъ № (45-мъ за текущій годъ) Вашей газеты Вы дѣлаете два отзыва — въ Воронежѣ и Ольховку — одному и тому же Свящ. Ө. П-скому. Въ первомъ отзывѣ говорите: «это не статья, а очень скудное примѣчаніе, на посылку котораго не стоило бы и тратиться». Во второмъ: «Не дѣло Домашней Бесѣды входить въ сужденіе о лучшемъ устройствѣ пожарныхъ командъ».

Если бы эти отзывы начертали не Вы, а кто-либо изъ обыкновенныхъ гг. книгопродавцевъ или содѣжателей типографій, не получившихъ столь высокаго образованія, какъ Вы, я пожелалъ бы только, чтобы Отецъ Небесный простилъ такового, какъ невѣдущаго, что творить и говорить. Но сказать столь видимый контрастъ Виктору Ипатьевичу, который, какъ извѣстно, и какъ онъ самъ о себѣ гласитъ (хотя и апологически), есть магистръ Богословія, не только странно, но и достойно крайней жалости, особенно для не-